

Молли Чан

УЗРИ
БОГОВ
ЖЕСТОКИХ

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-18

Molly X. Chang
TO GAZE UPON WICKED GODS (Book 1)

Copyright © Molly X. Chang, 2024
First published by Eksmo Publishing House
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Перевод с английского *Екатерины Згурской*
Иллюстрация на обложке *Саши Рейн*

Чан, Молли.

Ч-18 Узри богов жестоких / Молли Чан ; [перевод с английского Е. О. Згурской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-203613-2

Ян Жуин, дочь покоренного мира, ненавидит пришедших из-за неба захватчиков. Уже двадцать лет империя Эр-Лан стонет под гнетом римлян, технологии которых оказались куда мощнее магии ее народа. Ян Жуин привыкла покоряться и не поднимать головы.

Никто не знает, что Ян Жуин обладает разрушительной силой. Благословленная самой Смертью, она может перевернуть ход войны, но боится навлечь беду на свою семью.

Однако тайное всегда становится явным. Одна ошибка заставляет Ян Жуин выбирать между порядочной жизнью и грязной работой на принца Рима, Антония. В обмен он обещает защитить ее родных и предотвратить уничтожение Эр-Лан. Но можно ли ему доверять?

И кем Ян Жуин станет, если согласится на сделку: жалкой предательницей или спасительницей своего народа?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-203613-2

© Е. Згурская, перевод на русский язык, 2026
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Моим бабушке и дедушке
с благодарностью за рассказы,
вдохновившие написать эту книгу,
и за постоянные напоминания о том,
что раз наши предки смогли пережить
тяжелейшие зимы, выпадавшие на долю
человечества, геноцид за геноцидом,
голод, войну, то и я смогу пережить
что угодно.

Воспоминания о вас не давали мне
опускать руки — даже в те дни,
когда издание этой книги казалось мне
смертью от тысячи порезов.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я помню, как мой дедушка плакал и как дрожал его голос, пока он рассказывал о призраках, терроризировавших Маньчжурию. О демонах, утаскивающих непослушных детей из кроваток, чтобы проводить над ними чудовищные эксперименты. Всю жизнь я думала, что эти рассказы — обычные байки, передающиеся из уст в уста. Выдумки. Способ заставить меня поскорее сесть за уроки. Так продолжалось до 2020 года, когда мой дедушка трагически скончался и меня начала снедать тоска по родине. Сердце ныло от боли и грусти, когда я видела, как в той стране, ради которой я покинула Китай, пышным цветом расцветает ненависть к азиатским народам. Тогда я и поняла, что дедушкины рассказы были не просто выдумками, как мне показалось поначалу.

В отчаянных попытках хоть чем-то утолить тоску по бабушке, дедушке и родному дому я наткнулась на статьи об «Отряде 731», организации, действовавшей в Харбине во времена Второй мировой, всего в двадцати минутах от того места, где я выросла. Оказалось, что страшилки о призраках, которыми меня пугали в детстве, были не просто сказками. Это были воспоминания о вполне реальных событиях. Частички истории, позабытые слишком многими. Так что пусть сюжет «Узри богов жестоких» — чистая выдумка, но вдохновлен он совершенно реальными веща-

ми, от ужасающих экспериментов до людей, пытавшихся изображать из себя богов. Жуткие истории о том, что на самом деле происходило в Маньчжурии во время русской и японской оккупации, заслуживают того, чтобы освежить их в людской памяти.

То, что произошло с населением Маньчжурии и жителями Китая, оставило столь болезненный след в душах выживших, что они не могли пересказывать это как реальную историю. Вот почему мой маньчжурский дедушка и его соотечественники вплетали в свои рассказы зловеющие сверхъестественные силы, призраков и демонов. Эти воспоминания превратились в фольклор, передающийся от отцов к детям, в то время как японцы отрицали существование «Отряда 731», отрицали всю пролитую маньчжурскую кровь, всю ту боль и душевные муки, терзавшие поколение за поколением, связанные пролитыми слезами.

Рассказы моего дедушки послужили семенами, и я надеюсь, что, будь он сегодня жив, он бы гордился тем, какое дерево проросло из этих семян: рассказами о племенах и империях, о боли и страданиях нашего народа, о сибирских просторах, о предках, переживавших один геноцид за другим. И как же мне повезло, что в моих жилах — маньчжурская кровь и что я выросла на маньчжурской земле. Он сказал мне: раз наши предки смогли выжить в сибирских льдах, значит, мы сможем выжить где угодно.

Надеюсь, если бы он смог познакомиться с Жуин, главной героиней моей книги, он бы гордился ее нестигаемой волей к жизни. Как и наши предки, росшие в те времена, когда опасность грозила всякому, когда люди были готовы на все ради выживания. Во времена голода и нищеты. Любось к семье, чувство бессилия перед тем, как все, что ценно в нашей культуре, что ценно для наших людей, отнимается по кусочку, потому что Китай сражался с луками и стрелами против самолетов и пуль западных захватчиков. Но что,

если бы у нас оказались не только луки? Мой дедушка вплетал в свои рассказы демонов. Я же хочу добавить в его истории надежду. Потому что мне подумалось — а что было бы, если бы магия из наших древних рассказов о богах и героях и впрямь существовала? Что, если бы мы использовали эту магию против вражеской науки?

Что, если бы?..

Что, если бы?..

Что, если бы...

«Узри богов жестоких», по сути, — история о многих вещах. О почти забытом «Веке унижения» Китая, о непросто́м выборе, который порой приходится делать человеку ради выживания в безжалостном мире. Это история об азиатской девушке, приученной быть тихой, но жаждущей высказываться в полный голос. Но глубоко внутри это история об иммиграции и о том, каких жертв она требует. Как для того, чтобы подарить счастье дорогим тебе людям, приходится пересекать материки и океаны, сносить трудности и бороться с сомнениями.

Дорогой читатель, я надеюсь, что ты полюбишь эту книгу так же, как люблю ее я. И, прочитав эту историю, ты увидишь Жуин не злодейкой, но девушкой, любящей свою семью, жертвой жестокого мира, в котором ей довелось родиться, делающей все, что в ее силах, ради того, чтобы защитить своих близких. Даже если ради защиты семьи ей приходится совершать вещи непростительные — поступиться моральными принципами и поступить на службу врагу.

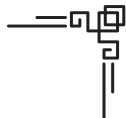
ЧАСТЬ I

天外之神

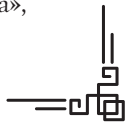
Боги с другого края неба

Где-то между Жизнью и Смертью
лежат два наших мира.
В одном цветет волшебство.
В другом господствует наука.
Паньгу¹ был раем, где человечество жило
в гармонии с волшебными силами.
Рим же был миром совсем иного сорта,
где электричество разгоняло ночной мрак,
а двигатели изрыгали выхлопные газы.
Наши миры существовали параллельно
друг другу, разделенные завесой, сотканной
самой Судьбой, — до тех пор, пока римляне
не спустились к нам с неба как боги —
на самолетах, обвешанных орудиями.
Поначалу они приветливо улыбались нам.
И пока мы удивляли их нашей магией,
они восхищали нас своими технологиями,
делавшими невозможное возможным.
И был подписан договор.
И началась эпоха мирного объединения.
Мы полагали их добрыми и великодушными.
А затем...

¹ Мифологический первочеловек, отделивший
Инь от Ян, аналог европейского «Бога-Творца»,
отделившего землю от неба.

НЕБО СНОВА ПЛАКАЛО.

Плакал весь мой мир — серыми ледяными слезами, обжигающе-холодными в жарком воздухе позднего лета.

Осторожными шагами я миновала Ограду, рассекавшую мой город пополам, которую охраняли римские солдаты, крепко стискивающие винтовки, снившиеся нам в кошмарах, готовые подстрелить меня по малейшему подозрению.

Я ненавидела этих людей. Ненавидела их суровые чужеземные лица, чужеземную одежду, выдававшую в них пришельцев из портала, сверкающего высоко в муром небе, соединяющего ныне наши миры. Мерцающая трещина, протянувшаяся над моим измученным городом, как всевидящее око мстительного бога, явившегося сюда не ради того, чтобы любить и защищать, но чтобы мучить.

Чтобы сеять невыразимую боль и страдания — как это делали римляне уже два десятилетия.

Каждый день я проклинала эту дорогу, эту Ограду, эти их заряженные ружья и все римское, замазавшее мой мир несмываемой грязью.

И все же я продолжала кланяться им, продолжала ходить этой дорогой каждую неделю под пристальными взглядами караульных — за наркотиком, медленно убивавшим мою семью. Однако без него она умерла бы быстро, как срезанный

цветок. По крайней мере, с опианом Мэйя могла протянуть еще два-три года, а может быть, целых пять, как папа.

А без него она не протянула бы и до конца этого лета.

На лицах некоторых римлян явственно читались отвращение и ненависть. Губы других кривили похабные ухмылки.

Один и вовсе поджал губы и разразился резким свистом, от которого у меня мурашки по спине побежали.

Магия смерти тихо пульсировала в теле, тлела, как угли, готовые полыхнуть ярким пламенем, стоит мне только позволить...

Я могла не бояться этих мужчин. Имея такую силу, я могла вообще никого не бояться.

Одним легким движением я могла бы нырнуть в серый поток энергий Смерти и вытягивать *ци* из их тел до тех пор, пока не иссушила бы их досуха. И мне то и дело приходилось бороться с искушением забрать что-нибудь у них так же, как они отнимали столь многое у нас.

Но бабушка приучила меня к осторожности. В нашу эпоху колониального уничтожения, когда союз магии и науки балансировал на грани, ни одной девушке не помешает излишняя осторожность.

Я могла бы убить одного из них — а может быть, даже двоих или троих, если повезет. Но я не могла убить всех римлян, шныряющих по улицам этого города. Они держались так высокомерно, ведь у них было право объявить своей собственностью все и всех, кого только захочется.

Прошло уже немало лет, а я до сих пор помню все так, будто это было вчера — как на моих глазах римляне хладнокровно убили одного из членов моей семьи.

Я тогда была ребенком, и мой отец еще был жив и добр ко мне — насколько его можно было назвать добрым.

Его застрелили из ружья, словно преступника, приговоренного к казни. А на спусковой крючок нажали пальцы самого старшего принца римлян — Валентина Августа. Он был всего тремя годами старше меня — и пристрелил че-

ловека на глазах у сотен свидетелей за наглость коснуться чистых королевских одежд немытыми руками, за наглость испросить пару мелких монет, которые беспечно звякали в королевских карманах. Монет, которых хватило бы отцу, чтобы накормить голодающее дитя.

Стоило мне закрыть глаза, и я снова чувствовала, как трясущиеся руки отца сжимали мои пальцы, как от собравшейся вокруг толпы, словно гнилью, несло страхом — тем самым страхом, которым начало нести и от моего собственного тела в тот миг, когда над ухом раздался оглушительный «бах». Первобытным страхом, жившим где-то пониже сердца.

В жилах каждого римлянина текла злая кровь, но поговаривали, что Валентин Август — худший злодей из них всех.

Многое болтали и о его братьях.

Средний принц жил на земле Паньгу вместе с Валентином, но никто никогда не видел, чтобы он выходил за пределы Ограды.

А третий, самый младший, слыл кровожадным ставленником военных — и единственным, кто остался в Риме в роли правой руки дедушки-правителя.

Того самого, могущественного и отвратительного дедушки, чья ненависть к моему народу изменила политику двух миров. Чье жестокое сердце и обрекло мою империю на столь незавидную долю.

Все они как один были жестокосердными чудовищами. Власть и привилегии подпитывали зло в душах этих римлян так же, как масло питает огонь.

Так что я ступала осторожно, держа руки скрещенными, чтобы стража могла их видеть. Тихая, как мышка, робкая и пугливая, как призрак. «Промелькнула и сгинула» — так нас приучили держаться в присутствии римлян.

Слишком уж много баек ходило о солдатах, только и ждущих повода наброситься.